

И.А.Кукушкин

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

О ПРОИСХОЖДЕНИИ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Андронов мәдени-тарихи қауымдастығының пайда болуы — андроновтанудағы ең басты мәселелердің бірі. Автохтондық протоандрондық ескерткіштердің энеолиттік немесе ерте қола дәуірінің андронов мәдени-тарихи қауымдастығы қамтитын территорияда болмауы оңтүстіктегі үрдістердің болғанын айқындайды.

This article is devoted to a problem of the origin of Andronov cultural-historical community (ACHC) which is one of key questions of its studying. Absence of autochthonic proto-Andronov sites of chalcolithic or Early Bronze Age kind in the territory occupied of ACHC testifies to the southern migratory impulse underlying genesis of this phenomenon.

За последние десятилетия, благодаря масштабности научно-поисковых и стационарных работ, материальная культура андроновских племен исследована достаточно полно. Одна за другой выдвигались гипотезы о происхождении и этнической принадлежности андроновского населения, относительной и абсолютной хронологии андроновских памятников. Постепенно острота дискуссионного накала стала спадать, так как накопление нового материала, расширив наши представления об «андроне», поставленных проблем, в принципе, не решило, но в то же время избавило от излишнего многообразия не подтвердившихся практикой научных гипотез.

Одной из ключевых проблем андроноведения является вопрос генезиса андроновской культурно-исторической общности (АКИО). В настоящее время известен целый спектр противоречащих друг другу автохтонных и миграционных гипотез о происхождении этого историко-культурного феномена.

Так, Г.Б.Зданович считает, что в основе образования андроновских культур, связанных в последовательную генетическую цепочку, лежат памятники синташтинско-петровского блока, сформировавшиеся на базе автохтонных зауральских древностей при интенсивном взаимодействии с западными абашевскими и раннесрубными племенами, а также влиянием южных земледельческих культур [1; 139].

С точки зрения Т.М.Потемкиной, в сложении алакульской культуры лесостепного Притоболья определяющую роль сыграли местные энеолитические и раннебронзовые племена в условиях тесных контактов с населением абашевской, полтавкинской, раннесрубной и многоваликовой культур. В качестве исходной территории происхождения федоровской культуры рассматриваются районы лесного и лесостепного Зауралья [2; 341–342].

В свою очередь Е.Е.Кузьмина предполагает сложение федоровской культуры в Центральном и Восточном Казахстане на местной энеолитической базе, а формирование алакульской — на основе петровских комплексов, которые образовались благодаря взаимодействию автохтонных южноуральских энеолитических культур с носителями абашевских, полтавкинских и многоваликовых культурных традиций [3; 103, 4; 227–228].

Близкую по взглядам позицию на происхождение федоровской культуры занимает А.А.Ткачев, предполагающий становление федоровских памятников на базе канайских древностей Восточного Казахстана. В то же время выделяемый им нуртайский вариант раннеалакульской культуры Центрального Казахстана складывается на основе местного энеолитического и раннебронзового комплексов, при влиянии ямно-афанасьевского компонента. Причем синташтинско-петровско-потаповские древности и нуртайские памятники синхронизируются в рамках новокумакского хронологического горизонта [5; 17,34].

В отличие от предыдущих автохтонных теорий основой формирования культур степной бронзы, объединяемых исследователями в срубно-андоновскую историко-культурную область, И.Н.Хлопин считает выходцев с территории Юго-Восточного Прикаспия, проникших вдоль русла Узбоя в Приаралье, а затем и в степной пояс. Новое население, находясь на более высокой стадии социально-экономического развития, передало многочисленным местным энеолитическим племенам свои навыки скотоводства и земледелия [6; 222–223].

На миграционный характер андроновских популяций указывает С.А.Григорьев, видя в федоровском населении выходцев из Передней Азии, продвинувшихся через Иран и Среднюю Азию на территорию Восточного Казахстана и Южной Сибири. Формирование алакульских племен предполагается в Приуралье на базе синташтинской, приуральской, абашевской и, отчасти, полтавкинской культур. Причем синташтинские мигранты проникают в Южное Зауралье из Передней Азии через Кавказ, путем стремительного продвижения по лесостепному пограничью [7; 145, 247].

Можно констатировать, что многолетние поиски автохтонных андроновских корней на территории, занимаемой АКЮ, ощутимых результатов не принесли, с чем, в принципе, должны согласиться все исследователи андроновского культурно-исторического наследия. Конструирование предтечи «андрона», в основе которого лежит привлечение периферийных лесных и лесостепных зауральских культур энеолитического или раннебронзового облика, взаимодействующих с более развитыми культурами западных областей, объясняется отсутствием соответствующих памятников на территории АКЮ, которые могли бы претендовать на роль генетически предшествующих, а также сформировавшимся обликом самих андроновских культур. Возможно, свою роль играет традиционный «арийский имидж» андроновцев-завоевателей, неуклонно продвигающихся с севера на юг и соотносимых с иранизацией Средней Азии и проникновением в Северо-Западную Индию. Действительно, присутствие индоиранских племен в Северной Евразии надежно документируется иранскими и индоарийскими топонимами, а также индоиранскими включениями в финно-угорские языки [8; 52]. В то же время при детальной изученности Ригведы и Авесты даже незначительных финно-угорских языковых заимствований в них не зафиксировано [7; 156–157], что доказывает, скорее, стабильность южных миграционных импульсов и, наоборот, ставит под вопрос противоположные, северные, облеченные в форму массового перемещения андроновских племен в южном направлении.

Становится очевидным, что и предположения об автохтонном генезисе культур АКЮ в Восточном или Центральном Казахстане являются труднодоказуемыми гипотезами, так как долговременные исследования на этих территориях не смогли выявить хоть сколько-нибудь значительных групп памятников энеолита или ранней бронзы, претендующих на роль предандоновских древностей. Несколько развеянных стоянок и одиночных погребений более раннего времени, подстилающих мощнейший андроновский культурно-хронологический пласт, серьезно в этом плане рассматриваться не могут.

Так, если многочисленные андроновские древности сменяются во времени не менее многочисленными памятниками финальной бронзы, и прослеживается определенная преемственность в материальной культуре, то становится очевидным, что формирование культур финальной бронзы происходило на базе культур андроновского круга. Ничего подобного нельзя утверждать об автохтонном характере генетической платформы АКЮ, не подтвержденной реальными фактами.

В вопросе генезиса АКЮ одним из узловых моментов, безусловно, является отношение к происхождению синташтинской культуры, наиболее полно отвечающей представлениям об индоиранской принадлежности ее носителей (кони и боевые колесницы; разнообразный набор наступательного вооружения) и которая по ряду характерных признаков близка совокупным древностям андроновского круга (украшения, наконечники, способ формовки посуды, мотивы орнамента и техника нанесения и др.). Действительно, появление синташтинской культуры в Южном Зауралье, видимо, нужно связывать с первой крупной волной миграционного импульса. Синташтинское население импортировало в лесостепь протогородские стандарты в архитектурной планировке и строительной технике, тактику колесничего боя. Ничего подобного в предшествующих зауральских культурах не наблюдается [7; 111,115]. Однако скоротечное целенаправленное перемещение синташтинских племен из областей Передней Азии через Кавказ в Южное Зауралье выглядит слишком усложненным и трудноосуществимым предприятием. Возможно, следует предположить, что миграция синташтинских племен проходила поэтапно, через территорию Средней Азии, Южный, Центральный и Северный Казахстан в лесостепи Южного Зауралья, ставших своего рода естественным накопительным барьером, последней северной природно-ландшафтной зоной, насыщенной значительными медьсодержащими ресурсами и отвечающей требованиям оседло-скотоводческого хозяйства. В пользу такого маршрута свидетельствуют, например, роговые дисковидные псалии с шипами, обнаруженные в элитном погребении Зардча-Халифа под Самаркандом, и в помещении храмового комплекса Джаркутан в Южном Узбекистане, близкие потаповским и синташтинским образцам [9; 7–25, рис. 1].

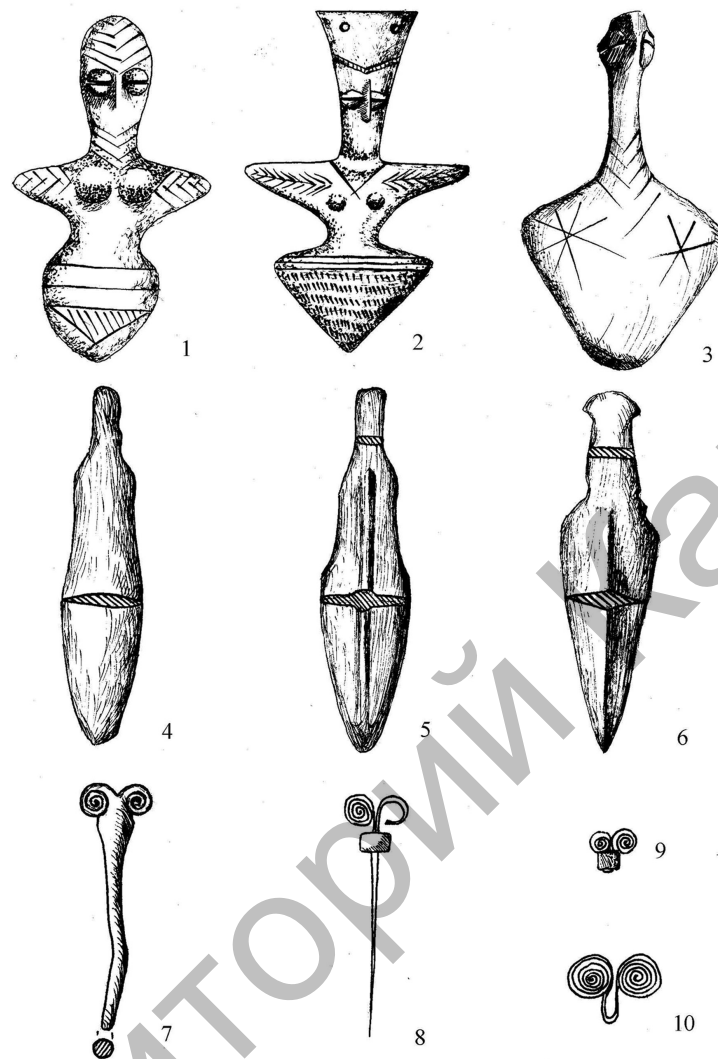

Рис.1. 1,2,3 — женские терракотовые статуэтки (Алтын-Депе, Гонур); 4,5,6 — бронзовые ножи (Верхняя Алабуга, Икпень I.Бозенген); 7,8- бронзовые булавки (Ранний Тулхар; Петропавловский); 9,10- очковидные подвески (Актобе II)

Показательно, что антропологические определения серии черепов из курганов синташтинского могильника Кривое Озеро в Южном Зауралье выявили ряд патологий, причинами возникновения которых стало пребывание людей в новых местах обитания, с более суровым климатом, а также низкой активностью иммунной системы, вызванной белковым голоданием в детский период [10; 359–360]. Исходная территория уточняется благодаря установленному факту распространения на рубеже III–II тыс. до н.э. в степной зоне Южного Урала и Казахстана комолого скота, появление которого связано с импортом комолых форм из областей переднеазиатского очага производящего хозяйства [11; 181–182].

В дальнейшем синташтинская культура, изначально представляющая собой конгломерат культуроопределяющих признаков, а также примыкающие к ней петровские и нуртайские древности, трансформируются в памятники так называемого «синкретического» типа, впоследствии разделяющиеся на алакульскую и федоровскую культуру, собственно и составляющих андроновскую культурно-историческую общность.

К андроновским памятникам со смешанным алакульско-федоровским типом керамики в Южном Казахстане и Семиречье относятся таутаринские и семиреченские, в Центральном Казахстане — ряд близких им комплексов типа могильника Айшрак, в Северном Казахстане — амангельдинские и бишкульские, на Южном Урале — кожумбердинские. Они, собственно, и являются свидетельством

первоначального андроновского культурного единства. В результате отложения от основного массива значительных родо-племенных групп, осваивавших в большей мере восточные и западные регионы, появились самостоятельные андроновские образования, известные в археологической номенклатуре как федоровская и алакульская культуры [12; 26].

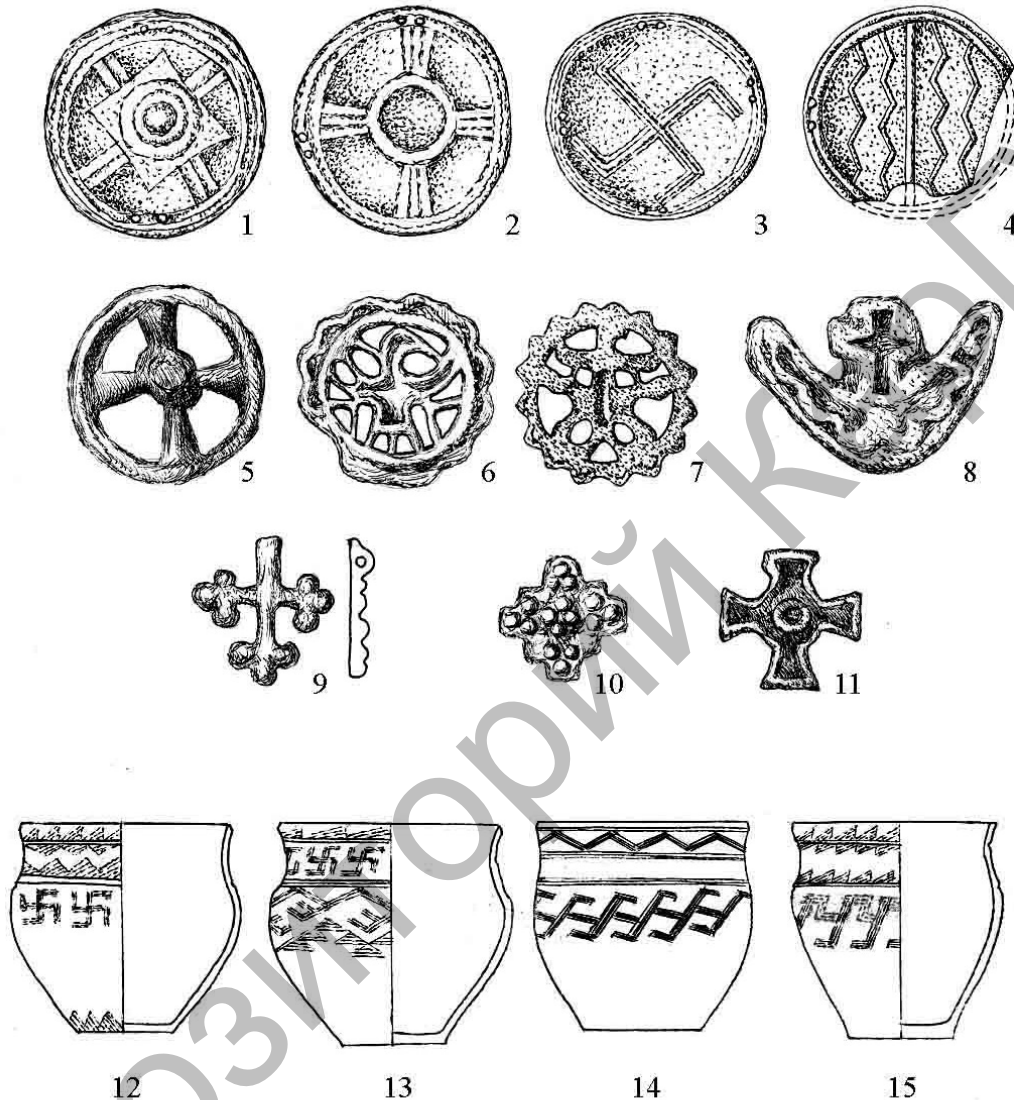

Рис. 2. 1,2,3,4 — «солярные» бляшки (Былкылдак I, Алексеевский, Бозенген, Шопат); 5,6,7,8,10,11-печати (Алтын-Депе, Гонур), 9 — крестовидная подвеска (Раскатиха); 12,13,14,15 — андроновские сосуды со свастическим орнаментом (Зевакино, Дуванское ХУП, Новый Кумак, Икпень I)

Анализ стратиграфических колонок многочисленных поселений эпохи бронзы Центрального и Северного Казахстана, предпринятый А.А.Ткачевым, привел к однозначному выводу о совместном залегании алакульской и федоровской керамики в едином культурно-хронологическом слое, причем на керамическом материале, в большей или меньшей степени, отмечаются черты, характерные для обеих культур [13; 158–166]. Аналогичная стратиграфическая ситуация отмечается О.Н.Корочковой и В.И.Стефановым на андроновских поселениях Южного Урала. По мнению исследователей, смешанный облик посуды фиксирует процесс интенсивного взаимодействия носителей федоровских и алакульских культурных традиций [14; 76–77]. С нашей точки зрения, «синкретическая» керамика отражает не взаимодействие, а факт изначального единства населения андроновской этнокультурной общности. Появление самостоятельных культур (алакульской и федоровской) является признаком ее распада. Подобное разделение некогда единой этнокультурной общности на два родственных образования достаточно хорошо известно по этнографическим и историко-лингвистическим данным. Ярким

примером является распад индоиранской культурно-языковой общности на исторически известных древних иранцев и индоариев.

Видимо, в любой крупной и относительно аморфной культурно-языковой общности естественный процесс развития связан с устойчивыми центробежными тенденциями, ведущими к неизбежному распаду, если только не вступают в действие мощные факторы внутреннего или внешнего порядка, вызывающие центростремительную реакцию, завершающуюся консолидацией в той или иной форме на качественно ином уровне.

Попробуем рассмотреть вопросы андроновского культурогенеза, в основе которого предположительно лежат культуры оседло-земледельческих цивилизаций древневосточного типа.

В эпоху энеолита южную кромку предгорной полосы Средней Азии занимали оседло-земледельческие оазисы, вытянувшиеся узкой полосой с запада на восток. Производящее хозяйство базировалось на поливном земледелии с использованием разветвленной гидросистемы стекающих с гор ручьев и мелких речек. Начавшийся в последних веках III тыс. до н.э. ксеротермический период вызвал жесточайшую засуху [15; 406], спровоцировавшую приток новой волны населения из более засушливых областей, предположительно Северной Месопотамии в Южную Туркмению, южную часть Узбекистана и, частично, Южный Таджикистан, где мигранты смешивались с местными общинами. В археологическом плане этот процесс зафиксирован в материалах Гонур-депе, верхних слоях Алтын-депе, Намазга-депе (Вышка) в Южной Туркмении и в памятниках типа Сапалли и Джаркутана в Южном Узбекистане, объединяемых в Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК). Переселенцы владели более совершенными навыками ирригационного земледелия, строительной техники, металлообработки и, как представляется, являлись носителями «иранского язычества», распространившими протозороастрийскую идеологию на территорию Средней Азии [16; 10–11].

Установившийся сухой и жаркий климат создавал существенные трудности для населения оседло-земледельческих оазисов: исчезали водные источники, пересыхали разветвленные рукава в дельтах рек, изменялись и сами русла магистральных водных артерий. Веками стабильно развивавшиеся земледельческие центры начинают приходить в упадок и местами забрасываются навсегда. По образному выражению И.Н.Хлопина, «люди делали героические усилия для продления жизни на умирающих поселениях, но ничего не помогало, и они вынуждены были покинуть эти проклятые богами места» [16; 222].

Вынужденные миграции происходили в разных направлениях, иначе трудно объяснить определенное сходство материальной культуры, отмечаемое у населения, проживавшего на достаточно удаленных друг от друга территориях, но, очевидно, одним из основных миграционных направлений стал восточный сектор. Исходные векторы миграционных перемещений из областей Передней Азии также убедительно указывают на этот регион как на искомую прародину индоевропейцев.

Массы людей начинают перемещаться в поисках мест, пригодных для ведения традиционного земледельческого хозяйства. У значительной части населения происходит вынужденная переориентация с оседло-земледельческого на преимущественно оседло-скотоводческий тип хозяйственной деятельности в форме пастушеского скотоводства, более адаптированного к условиям изменившейся природно-климатической среды ксеротермического периода.

Родственное население, мигрировавшее с запада в Среднюю Азию, очевидно, уже состояло из родоплеменных общин как со сложившейся скотоводческой, так и традиционной земледельческой культурой, где, однако, процесс переориентации части земледельческого населения на скотоводческий тип хозяйственной деятельности протекал еще достаточно бурно, значительно увеличивая общую численность пастушеских племен.

Эта тенденция особенно заметна на территории Бактрии, о чем красноречиво свидетельствует появление некрополей, оставленных уже скотоводческим населением, материальная культура которого несет черты симбиоза оседло-земледельческих традиций и скотоводческих признаков, проявляющихся, в частности, в виде сочетания в погребениях станковой и лепной керамики.

С переходом к альтернативному способу хозяйствования у населения появляются реальные возможности для устойчивого экономического развития, в основе которого лежало хозяйственное освоение горных плато, степных и полупустынных территорий, пригодных для ведения экстенсивной скотоводческой деятельности.

Происходившая смена земледельческого хозяйственного уклада на скотоводческий сопровождалась значительной культурной трансформацией, выразившейся в сдвигах в области идеологии, изменении материальной культуры и соответствующей символики. Менялся сам образ жизни, а следовательно, направления хозяйственных и культурных связей [17; 115].

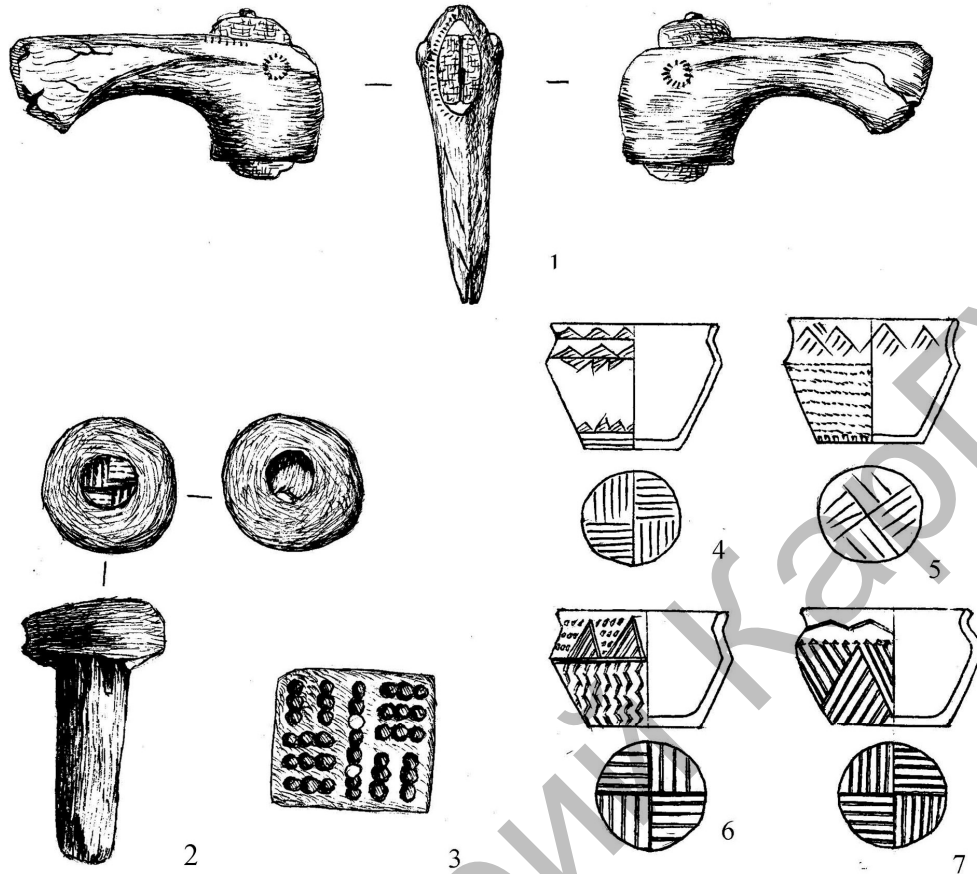

Рис. 3. 1 — бронзовый топор (Бозенген); 2 — бронзовое навершие с паркетно-свастическим орнаментом (Бозенген), 3 — печать с паркетно-свастическим орнаментом (Алтын-Депе), 4,5,6,7 — паркетно-свастический орнамент на днищах сосудов (Икпень II, Верхняя Алабуга, Петровка)

Иными словами, в появлении скотоводческих культур отразился процесс адаптации хозяйственно-экономических механизмов оседлых земледельцев к условиям кардинально изменившихся природно-климатических факторов. Смена хозяйственного уклада сопровождалась переориентацией экономики на преимущественно скотоводческое направление хозяйственной деятельности.

Как уже отмечалось, смена хозяйственного уклада может существенно изменять визуально фиксируемый облик материальной культуры. В этом случае перед нами предстает совершенно иная культура, казалась бы, никак не связанная с предыдущей. Однако даже в трансформированном виде молодая, динамично развивающаяся культура скотоводческих племен, должна иметь определенные аналогии с предшествующей материальной и духовной культурой населения оседло-земледельческой ойкумены, являющейся базовым этнокультурным ядром, генерирующим культуруопределяющие императивы на протяжении целой эпохи.

Рассмотрим наиболее характерные черты оседло-земледельческих культур Средней Азии в сравнительной шкале андроновских культуруопределяющих признаков с учетом пространственно-временных изменений.

Достаточно показательным в этом плане является орнамент, несмотря на сравнительно долговременный отход от практики нанесения рисунка на поверхность сосудов, отмечаемый у населения БМАК и среднеазиатских скотоводческих культур. Отказ от орнаментации посуды, очевидно, не привел к утрате самого орнамента, который мог переместиться с керамики на органические материалы (дерево, ткани) и, таким образом, сохраняться и совершенствоваться в дальнейшем. Косвенно об этом могут свидетельствовать разнообразные и многочисленные изображения крестовидного орнамента на неолитической посуде и широкое распространение крестовидной конфигурации в сфрагистике более позднего периода. Для нас данное обстоятельство имеет важное значение потому, что геометрический орнамент расписной неолитической посуды оседло-земледельческих оазисов Средней Азии, генетически связанных с древневосточными цивилизациями, находит близкие аналогии с андронов-

скими элементами орнамента. Это прежде всего фестоны, ромбы, многоступенчатые пирамидки, шевроны, треугольники, крестообразные фигуры. Показательны случаи находок сосудов с крашеным геометрическим орнаментом в андроновских памятниках Северного Казахстана, например, в могильнике Перелески, определенно указывающих на среднеазиатские реминисценции в керамическом комплексе [18; 191, 19; 109, рис.8–4].

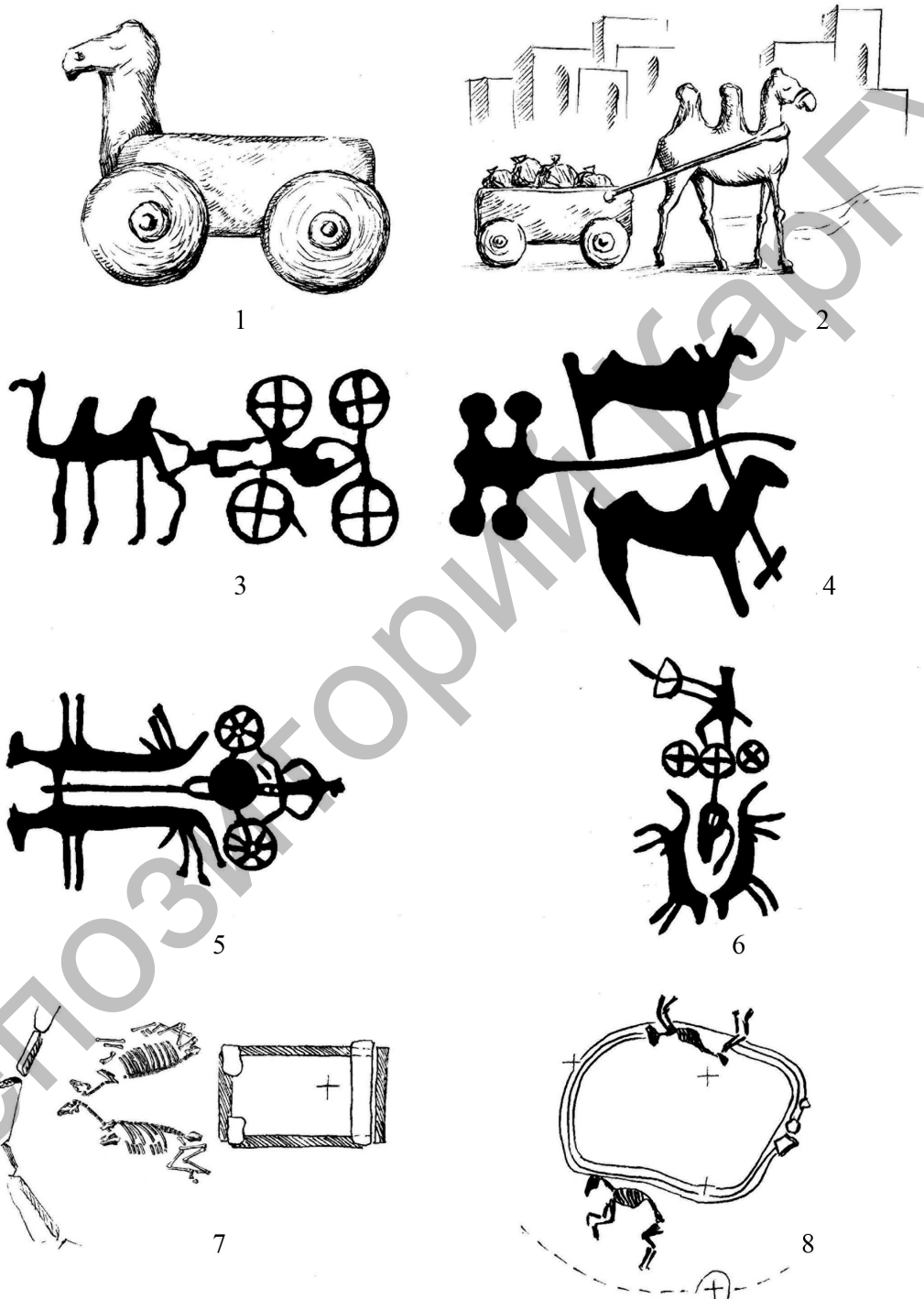

Рис.4. 1 — модель глиняной повозки (Алтын-Депе); 2- реконструкция верблюжьей запряжки, по В.Б.Зернову (Алтын-Депе); 3,4 — верблюды, запряженные в повозку (Ешкиольмес, Байконур); 5,6 — колесницы, запряженные лошадьми (Саймалы — Таш, Каратау); 7,8 — парные захоронения лошадей (Аялберген, Берлик)

К оседло-земледельческим следует также отнести и характерные традиции в строительной технике, особенно заметные при сооружении укрепленных поселений и в конструктивных особенностях погребальных камер с ложносводчатым перекрытием, зафиксированных в синташтинских, петровских и федоровских могильниках [20; 59–60].

Строительные навыки свидетельствуют о глубоких оседло-земледельческих корнях, где данное мастерство совершенствовалось на протяжении тысячелетий и сохранилось в качестве наследственного опыта: это и элементарные знания геометрии, подбор и первичная обработка камня (глины), способы связки и выведения стенок, соответствующих строительному замыслу. В период раннего железного века строительные навыки в степной зоне большей частью утрачиваются: погребальные сооружения возводятся менее профессионально, но в то же время становятся более монументальными.

Не менее показателен погребальный инвентарь, и в первую очередь каменные бусы, повсеместно представленные в захоронениях энеолита и бронзы оседло-земледельческих культур Средней Азии. Они изготовлялись мастерами из бирюзы, сердолика, агата, лазурита. Каменные бусы в значительном количестве присутствуют и в некрополях, оставленных среднеазиатскими скотоводческими племенами, например, в Раннем Тулхарском могильнике, расположенном в Южном Таджикистане [21, табл. XX, XXI].

Как показала археологическая практика, бусы, изготовленные из аналогичных пород камня, присутствуют и в погребениях, оставленных населением степной бронзы, причем имеют достаточно широкую географию распространения. Они зафиксированы и в материалах Синташтинского комплекса (СМ) в Южном Зауралье. Например, в погребении 37 обнаружено 57 экземпляров каменных бусин [22; 224]. Устойчивы находки единичных бирюзовых бус в петровских захоронениях Северного Казахстана [1; 63]. В андроновских памятниках северной полосы каменные бусы отмечены в могильниках Ушкатта, Киимбай, Урал-сай, Аксайман, Верхняя Алабуга, Алакуль, Боровое [3; 238, 2; 196–197, 23; 271, 24, рис. 9–11].

В Центральном Казахстане каменные бусы найдены в таких некрополях, как Айшрак, Ташик, Нуртай, Бозенген, Аяпберген, Тегисжол [25; 97, 26; 177, 211, 13; 183, 222, 27; 116]. Не исключено, что количественное соотношение украшений в виде каменных бус прямо пропорционально степени ограбленности андроновских погребений. Например, при исследовании федоровского могильника Темир-Канка в Восточном Казахстане обнаружено захоронение женщины (курган-ограда 85), которая была украшена ожерельем, состоявшим из 73 бирюзовых бусин [28; 50].

Вероятно, происхождение бус на степной территории следует рассматривать не только в качестве абсолютного импорта, обусловленного эпизодическими контактами скотоводов и земледельцев, но и в плане непосредственного перемещения самих изготовителей. Можно предположить, что часть каменных бус имеет местное происхождение и изготовлялась андроновскими умельцами, сохранившими определенные навыки. На это указывают находки в могильнике Бозенген четырех подквадратных бусин из змеевика с центральными отверстиями и двусторонними пропилами [26; 247], предполагающими незавершенность работы мастера над данными изделиями, которые имеют, как правило, округлые или цилиндрические формы. Тем более, что месторождения поделочного камня в Казахстане не редкость. Данный вывод подтверждается находками каменных бус в синташтинском Большекараганском могильнике Южного Зауралья, где они изготовлены из серпентинита — широко распространенного местного минерала [29; 145].

К числу артефактов, характеризующих среднеазиатский ареал, относятся бронзовые и серебряные булавки с биспиральными (рис. 1–7), коническими или фигурными навершиями [16; 59]. В андроновских памятниках одна из таких булавок с биспиральным навершием зафиксирована в Петропавловском могильнике [23; 261, рис. 30–1] в Приишимье (рис. 1–8), другая найдена в могильнике Балыкты в Центральном Казахстане [13; 22, рис. 136–36]. Но в данном случае обращают на себя внимание нередко встречающиеся в алакульских погребениях так называемые бронзовые очковидные подвески, которые обычно в таком ракурсе и рассматриваются — спиралями вниз. Однако в перевернутом виде это верхняя часть булавки (рис. 1–10), тем более, что на некоторых из них сохранились скрепляющие, очевидно, со стержнем, обоймочки (рис. 1–9), аналогичные по конструкции петропавловской булавке. Соединяющие части могли также изготовляться из дерева или кости. В андроновских памятниках зафиксированы и проколки, приостренные с одного или обоих концов, более всего подходящие для выполнения функции булавочных стержней. Это подтверждается находкой бронзовой с позолотой проколки в могильнике Актобе II, предполагающей использование этой категории изделий в большей мере как украшения, чем в исключительно утилитарных целях [13; 181]. Показательна также каменная форма для отливки булавки с крестовидным навершием, которая была обна-

ружена на Алексеевском поселении в Костанайской области [30; 170, рис. 6–8]. Булавки могли применяться в качестве скрепляющего устройства, фиксирующего головной убор, волосы или накидку из ткани.

В женском алакульском костюме заметное место отводилось так называемым «солярным» бляшкам, которые, как предполагается, имитируют рисунок на каменных и бронзовых печатях земледельцев Бактрии и Маргианы [3; 238]. На округлых бляшках, изготовлявшихся методом штамповки или чеканки по холодному металлу, сохранились изображения многолучевой звезды, крестов, свастики, зигзагов (рис. 2–1,2,3,4), что может предполагать и наличие соответствующих штампов-печатей. Интересно, что, например, в некрополе Гонура, где было исследовано более 3000 захоронений, печати сопровождали только женские погребения [16; 295].

Довольно часто на среднеазиатских печатях изображалась хищная птица в геральдической позе, где голова развернута в профиль, обычно влево, крылья расставлены в стороны и четко обозначен прямой хвост. Нередко по обе стороны от птицы отмечаются две извивающиеся змеи. Такое традиционное расположение птицы на печати дает в плане подчеркнута крестообразную фигуру, широко распространенную на бронзовых, глиняных и каменных печатях этого региона (рис. 2–5,6,7,8,9,10,11).

Основные черты образа этой хищной птицы схематично воплощены в алакульских крестовидных подвесках (рис. 2–9). Три из четырех концов подвески обычно завершаются тремя округлыми выпуклостями, в свою очередь также расположены крестообразно и символизируют два распростертых крыла и прямой хвост. Четвертое верхнее окончание подвески имеет отверстие для подвешивания, стилизованное под загнутый клюв птицы. Видимо и семантика крестообразных фигур на округлых бляшках соответствовала этому образу, а зигзагообразных линий — извивающимся змеям (рис. 2–4).

Подтверждающим аргументом в пользу данной интерпретации является найденный в могильнике Бозинген бронзовый вислообушный топор [26; 209], на обухе которого выпуклостями обозначены два округлых глаза, подчеркнутых по окружности насечками, в результате чего топор в целом воспроизводит голову хищной птицы (рис. 3-1), что можно распространить и на другие аналогичные изделия, где обух — голова птицы, а лезвие — хищный клюв. Например, в Синташтинском могильнике (СМ), птицевидная форма бронзовых топоров подчеркивается подпрямоугольным гребнем, расположенным на обухе [22; 195, рис. 100–8,9]. Симптоматично и название такого родственного боевому топору оружия, как клевец, что происходит от «клюв», «клевать».

Образ хищной птицы может лежать и в основе свастики, изображения которой встречаются как на печатях, так и на андроновских «солярных» бляшках и керамике, где она в большинстве случаев трансформируется в меандрово-свастический орнамент (рис. 2–12,14,15). Показательно, что на городище Сапалли-Тепе отмечены находки уплощенно-цилиндрических бусин с изображением свастики, напоминающей по форме изображение орла [31; 95–96]. В более поздние периоды известны изделия с признаками свастики в виде голов птиц, змей, грифонов, лошадей.

Хищные птицы и змеи у индоиранцев никогда не ассоциировались с божествами солнечного света, следовательно, и так называемые «солярные бляшки» с изображением крестов, зигзагообразных линий не могли олицетворять собой дневное светило. Поэтому и к свастическим изображениям, а priori зачисляемым исследователями в разряд солярных символов, нужно подходить очень дифференцированно, так как их интерпретация непосредственно связана с ситуационным контекстом.

Интереснейшей находкой является обнаруженный в могильнике Бозинген бронзовый дисковидный предмет, условно названный печатью-клеймом [26; 246]. С одной стороны округлой плоскости он имеет втулку с частично сохранившейся деревянной рукоятью, с другой, противоположащей, — цилиндрическое углубление, оканчивающееся рисунком в виде паркетно-свастического орнамента (рис.3–2), отмечаемого на среднеазиатских печатях (рис.3–3) и днищах андроновских сосудов (рис.3–4,5,6,7). С нашей точки зрения, этот предмет является навершием жезла, аналогичного по своим сакральным функциям навершиям каменных и бронзовых булав, посохов, имеющих распространение как в памятниках БМАК, так и на территории АКЮ, закономерно подчеркивающих социальную значимость своих владельцев.

В настоящее время паркетно-свастический орнамент, широко распространенный в эпоху бронзы, интерпретируется как схематичное изображение четырех лошадей, расположенных головами друг к другу и символизирующих вечное круговое движение колесничной запряжки. Аналогичную семантическую нагрузку выполнял и орнамент в виде «двойной» свастики, отмечаемый как на днищах, так и, в усеченном виде, на плечиках андроновских сосудов [32; 279–280, рис.2].

Характерной особенностью оседло-земледельческих оазисов Средней Азии в эпоху бронзы являются находки уплощенных глиняных статуэток в виде стоящей женской фигуры, которая, по мнению исследователей, олицетворяет собой местное божество плодородия. Голову фигурок на длинной шее, как правило, венчает головной убор в виде расширяющегося вверх усеченного конуса или приостренной шапочки. На лице ромбовидно-округлыми налепами передавались прикрытые веки с горизонтально прочерченными прорезями глаз; высоким защипом — резко профилированный «птичий» нос, что подтверждается отсутствием изображения рта у всех экземпляров. Лицо часто обрамлено двумя извивающимися косами — змеями, ниспадающими на грудь, на спине отмечается широкая налипная коса. На особенно тщательно изготовленных статуэтках по обе стороны головы отчетливо видны небольшие головки змей [33; 84, 16; 48–49]. Схематично сформованные руки фигурок горизонтально расставлены в стороны, имитируя крылья птицы. Довольно тонкая талия переходит в относительно широкие бедра, оформленные в виде вытянутого вершиной вниз треугольника (рис. 1–1, 2, 3).

Несложно заметить, что в основе семантики терракотовых женских статуэток и печатей с изображением хищной птицы лежит один и тот же зоо-антропоморфный образ Великой крылатой богини, обрамленной двумя извивающимися змеями, широко известный и в других цивилизациях древнего мира.

Возможно, именно эта форма статуэток легла в основу антропоморфной конструкции ножей так называемого срубно-андроновского типа с намечающимся перекрестием, перехватом и пламевидным обоюдоострым лезвием, где клинок совпадает с понятием о ногах и бедрах, перехват — с талией, намечающееся перекрестие — с расставленными в стороны руками-крыльями, прямоугольный или приостренный на конце ромбовидной пятки черешок — с лицевой частью. Антропоморфная форма ножа, видимо, олицетворяла само изображение крылатой богини (рис. 1–4, 5). Не случайно, например, рукоять одного из кинжалов, найденного в некрополе Гонура, была отлита в виде пары рельефных, переплетенных между собой змей [16; 54, рис. 20].

Вообще, зооморфное оформление навершия рукоятей и перекрестия у ножей и кинжалов — явление широко распространенное и зафиксировано во многих культурах эпохи бронзы и раннего железного века.

Среди терракотовых изделий на среднеазиатских поселениях отмечаются находки моделей колес, повозок, головок верблюдов. Известна модель четырехколесной повозки с головой верблюда (рис. 4–1), которая изображает повозку, запряженную верблюдом (рис. 4–2). Предполагается, что в массивные бортовые повозки могла запрягаться даже пара верблюдов. Эти материалы свидетельствуют о широком использовании земледельцами колесного транспорта, по крайней мере, с середины III тыс. до н.э. [33; 88, 120].

В наскальных рисунках Казахстана образ верблюда представлен достаточно широко в петроглифах Каратау, Бетпакдалы, Семиречья, в том числе и верблюда, запряженного в повозку (рис. 4–3, 4), например, в петроглифах Ешкиольмеса [34, 28, табл. III-9] и Байконура [35, 40, рис. 8–5.1].

Эти изображения датируются эпохой бронзы, первой половиной — серединой II тыс. до н.э., периодом расцвета андроновских культурных традиций. Хронологический приоритет среднеазиатских терракот убедительно свидетельствует о перемещении в сравнительно более поздний период значительных групп индоиранского населения с юга на север, что связано со сменой хозяйственного уклада, переориентированного с деградирующего земледелия на прогрессирующую скотоводческую деятельность.

Прежде такое, утверждение вступило бы в противоречие с остеологическими материалами из-за отсутствия костей лошади на оседло-земледельческих поселениях, так как одним из основных атрибутирующих признаков индоиранцев является тесная связь с лошадей и колесницей.

В настоящее время кости домашней лошади встречены в Маргиане на поселениях Келлели и Таип-I в слоях, датируемых началом II тыс. до н.э. [36; 116, 117]. Знакомство древнеземледельческого населения БМАК с домашней лошадей и колесницей, по крайней мере, на рубеже III-II тыс. до н.э., документируется целым набором разноплановых находок — это навершия скипетров, печати, амулеты с изображением лошади, терракотовые модели колес и одноосных колесниц, что дополняется захоронениями целых костяков лошадей и повозок с дисковидными колесами, отмеченных в некрополе Гонура [16; 41, 37; 160–162].

Наскальные рисунки с изображением колесниц, запряженных лошадьми в Саймалы-Таше, Каратау, Семиречье (рис. 4–5, 6), а также захоронения лошадей, символизирующих колесничную запряжку, зафиксированные в Центральном (Нуртай, Аяпберген, Ащису) и Северном (Берлик, Кенес, Бестамак)

Казахстане (рис. 4–7,8), выступают своего рода реперами, маркирующими направление миграционного процесса скотоводческих племен, продвигающихся через Среднюю Азию в Казахстанские степи.

Антропологический аспект, предполагающий отличие основных краниологических характеристик среднеазиатского и андроновского населения, не противоречит имеющимся материалам, однозначно свидетельствующим о том, что андроновские племена не были едиными в антропологическом отношении. Андроновские популяции являлись носителями двух разных вариантов большей европеоидной расы — средиземноморского, долихокранного и палеоевропеоидного, мезокранного, выделяемого в специфический андроновский тип, который местами мог и преобладать. В то же время, по палеоантропологическим данным, не более трети всех изученных черепов эпохи бронзы Казахстана обладают чертами «классического» андроновского типа [39; 89,90,93, 40; 20]. Близкая ситуация просматривается и на территории Южной Сибири. Например, самая многочисленная краниологическая серия, происходящая из федоровского могильника Фирсово-XIV в Верхнем Приобье представлена двумя выраженноевропеоидными антропологическими типами — средиземноморским, долихокранным и протоевропеоидным, мезокранным (андроновским), причем у мужчин примерно в равных долях [41; 174–175].

В эпоху энеолита южные области Средней Азии занимало население средиземноморского долихокранного антропологического типа, генетически связанного с Ираном и Передней Азией. В конце III тыс. до н.э. приток новой волны переселенцев с территории переднеазиатского региона, предопределил образование Бактрийского-Маргианского археологического комплекса. Исследованная палеоантропологическая коллекция некрополя Гонура, относящегося к БМАК, наряду с долихокранным средиземноморским типом содержала довольно представительную серию мезо- и брахикранных черепов, что свидетельствует о нескольких антропологических типах, составляющих население БМАК, сочетающихся в единой этнокультурной среде [42; 111–112]. В целом население Гонура представляло собой европеоидов, тяготеющих по своим краниологическим показателям к южному средиземноморскому типу и к степным андроновским популяциям [38; 303–304].

В некрополях скотоводческих племен Средней Азии мозаичность антропологического фактора также нашла свое отражение, например, в серии черепов Раннего Тулхарского могильника, позволившая отнести их к протоевропеоидному типу населения степной полосы Евразии и к южному протосредиземноморскому типу [43; 182].

Специфика природно-ландшафтных зон южной полосы Средней Азии состоит в довольно ограниченных возможностях для широкого развития экстенсивных форм оседло-скотоводческого хозяйства. Рост численности населения и увеличения поголовья скота вынуждают пастушеские племена проникать в глубинные районы, осваивая в хозяйственных целях все новые и новые территории.

Думается, значительная часть скотоводов в конце III тыс. до н.э., продвигаясь в северном направлении через южные области Узбекистана, Таджикистана и Фергану, достигла пределов Южного Казахстана. Именно в границах этого северного «коридора» обнаруживается наибольшая концентрация памятников, оставленных пастушескими племенами [3, карта III], а в наскальном искусстве Саймалы-Таша (Фергана), Южного Казахстана и Семиречья отмечается заметное влияние передовых цивилизаций Переднего Востока и Средней Азии [34; 65].

Данное предположение подтверждается и находками станковой керамики БМАК в Хорезме и Казахстане [38; 277]. Особенно показательна в этом плане керамическая коллекция поселения Павловка (Акмолинская область), где наряду с андроновской посудой в значительном количестве присутствует древнеземледельческая среднеазиатская станковая керамика (12 %), причем нередко в относительно целых формах (21 %). Отмечены и случаи подражания среднеазиатским образцам. Древнеземледельческая керамика представлена крупными горшковидными сосудами с подкосом у дна, глубокими чашами и вазами на полых ножках [44; 155–157, рис. 7].

Миграционные тенденции скотоводческого населения, заинтересованного в стабильном экономическом развитии, вполне закономерны. С позиции хозяйственного освоения обширные степные и лесостепные пространства, изобилующие естественными пастбищными угодьями и необходимыми водными ресурсами, создавали исключительно благоприятные условия для хозяйственной деятельности скотоводческого типа, в отличие от пустынь и высокогорий Средней Азии. Бесспорным подтверждением данного вывода служит появление в эпоху ранних кочевников ярких и многочисленных скотоводческих культур скифо-сакского облика, сменивших позднебронзовые древности в степном поясе Евразии. Огромное значение имели и богатые медно-рудные месторождения Центрального Казахстана, Южного Урала и Саяно-Алтайского нагорья.

Результаты последних исследований, опирающиеся в первую очередь на материалы могильника Ашису, расположенного в Центральном Казахстане, возможно, позволяют существенным образом скорректировать предложенную гипотезу. Прежде всего это связано с находкой уникального медного тонкостенного сосуда на кольцевом поддоне, сырьем для изготовления которого послужила самородная медь Жезказганского куста рудопоявлений. Он изготовлен в подражание керамическим образцам раннеандроновской посуды и предположительно был отлит по восковой модели, на что указывает отсутствие швов и заклепок на тулове. В настоящее время это единственная находка подобного рода в Степной Евразии, свидетельствующая о высоких технологиях литья меди и бронзы, которыми владели местные мастера в эпоху бронзы. Ближайшие аналоги, в плане технологических приемов, отмечаются в Бактрии и Маргиане, особенно в «царских» погребениях Северного Гонура в Восточном Туркменистане [37; 171]. В свете новых данных не исключено, что одним из регионов переднеазиатского миграционного импульса стали не только области Средней Азии, но и юго-западные районы Центрального и северные Южного Казахстана, соответствующие нынешней полупустыне Бетпакдала, охватывающие бассейны таких рек, как Сарысу и Шу. В этом случае, видимо, в этих местах следует ожидать открытие крупных центров, ориентированных на горно-металлургическое и металлообрабатывающее производство, дополненное скотоводческой деятельностью, материальная культура которых будет соответствовать протоандроновскому облику.

Показательно, что, по свидетельствам средневековых авторов, в этой местности отмечаются города, крепости и поселения с развитыми ремеслами, торговлей, ирригационным земледелием и скотоводством. Например, в долине реки Сарысу современными исследователями было зафиксировано более десятка руинированных объектов поселенческого типа, таких как Кент коныр, Жер корган, Жаман кала, Талды кент, Караагач и другие [45; 17,25,26].

Таким образом, наступивший в конце III тыс. до н.э. ксеротермический период вызвал острый экономический кризис оседло-земледельческих цивилизаций древневосточного типа Передней и отчасти Средней Азии, который в то же время дал мощный импульс скотоводческому направлению хозяйственной деятельности, приведший в итоге к подлинному расцвету степных скотоводческих культур и в первую очередь многочисленных андроновских племен Казахстана, Южного Урала и Западной Сибири. Скорее всего, в этой плоскости следует рассматривать и генезис племен срубной культурно-исторической общности.

Список литературы

1. *Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. — Свердловск: Уральский ун-т, 1988. — 184 с.
2. *Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. — М.: Наука, 1985. — 375 с.
3. *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? — М.: Российский ин-т культурологии РАН, 1994. — 464 с.
4. *Кузьмина Е.Е.* Первая волна миграции индоиранцев на юг // ВДИ. — 2004. — № 4. — С. 3–20.
5. *Ткачев А.А.* Бронзовый век Центрального Казахстана: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М.: Ин-т археологии РАН, 2003. — 50 с.
6. *Хлотин И.Н.* Исторические закономерности сложения степных культур Средней Азии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата: Наука, 1989. — С. 217–224.
7. *Григорьев С.А.* Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. — Челябинск: УРО РАН, 1999. — 444 с.
8. *Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. — М.: Наука, 1977. — 82 с.
9. *Аванесова Н.А.* О культурной атрибуции колесного транспорта доисторической Бактрии (по материалам сапаллинской культуры) // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. — Ташкент: Фан, 2005. — С. 7–25.
10. *Рыкушина Г.В.* Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро. Приложение 7 // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. — Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 2003. — С. 345–360.
11. *Гайдученко Л.Л.* Некоторые биологические характеристики животных и жертвенных комплексов кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам 25 Большекараганского могильника). Кн. I. — Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 2002. — С. 173–189.
12. *Кукушкин И.А.* Андроновские памятники «синкретического» типа в шкале относительной и абсолютной хронологии // Археологические исследования в Казахстане. Тр. науч.-практ. конф. «Маргулановские чтения-14». — Шымкент-Алматы: Ин-т археологии им. А.Х.Маргулана, 2002. — С. 26–30.
13. *Ткачев А.А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. II. — Тюмень: ТюмГНУ, 2002. — 243 с.
14. *Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* О взаимодействии алакульской и федоровской культур в Лесостепном Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале. — Челябинск: ЧелГУ, 2004. — С. 76–79.
15. *Щетенко А.Я.* О колебаниях климата и ксеротермическом периоде в голоцене Средней Азии // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Сб. науч. тр. — Барнаул: Алтайский ун-т, 2003. — С. 400–406.

16. *Сарианиди В.* Некрополь Гонура и иранское язычество. — М.: Мир-медиа, 2001. — 246 с.
17. *Долуханов П.М.* Аридная зона Старого Света: Экономический потенциал и направленность культурно-хозяйственного развития // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата: Наука, 1989. — С. 108–117.
18. *Зданович Г.Б., Зданович С.Я.* Могильник эпохи бронзы у с. Петровка // СА. — 1980. — № 3. — С. 183–193.
19. *Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В.* Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. — 138 с.
20. *Зданович Г.Б.* Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. — Свердловск: Башкирский ун-т, 1988. — С. 48–68.
21. *Мандельштам А.М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА, № 145. — Л.: Наука, 1968. — 184 с.
22. *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. — Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1992. — 408 с.
23. *Оразбаев А.М.* Северный Казахстан в эпоху бронзы // ТИИАЭ АН Каз.ССР, 1958. — Т. 5. — С. 216–294.
24. *Сальников К.В.* Курганы на оз. Алакуль // МИА, № 24. — М.: Наука, 1952. — С. 51–71.
25. *Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1966. — 453 с.
26. *Ткачев А.А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. I. — Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. — 289 с.
27. *Кукушкин И.А.* Археологический комплекс Тегисжол // Состояние и перспективы развития краеведения в современных условиях: Материалы республ. науч.-практ. конф. — Павлодар: ПГУ, 2002. — С. 115–119.
28. *Максимова А.Г., Ермолаева А.С.* Памятники эпохи бронзы // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. — Алма-Ата: Наука, 1987. — 280 с. — С. 24–63.
29. *Зданович Д.Г.* Изделия из камня, кости, дерева в погребениях кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника. Кн.1. — Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 2002. — С. 144–158.
30. *Евдокимов В.В.* Новые раскопки Алексеевского поселения на р.Тобол // СА. 1975. — № 4. — С. 163–172.
31. *Аскарлов А.* Сапаллитепа. — Ташкент: Фан, 1973. — 93 с.
32. *Кукушкин И.А.* Семантика массовых захоронений лошадей в царских курганах ранних кочевников // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. — Барнаул: Алтайский ун-т, 2004. — С. 276–283.
33. *Массон В.М.* Алтын-Депе. — Л.: Наука, 1981. — 175 с.
34. *Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* Наскальные изображения Семиречья. — Алматы: Фонд XXI век, 2002. — 264 с.
35. *Новожинов В.А.* Петроглифы Сары-Арки. — Алматы, 2002. — 125 с.
36. *Ермолова Н.М.* Материалы к изучению скотоводства и охоты в Центральной Азии в эпоху энеолита и бронзы // Древние цивилизации Востока. — Ташкент: Фан, 1986.
37. *Сарианиди В.И.* Царский некрополь на Северном Гонуре // Вестник древней истории. — № 2. — М.: Наука, 2006. — С. 155–192.
38. *Сарианиди В.И.* Древневосточное царство Маргуш в Туркменистане // Мировоззрение населения Евразии. — М.: Наука, 2001. — С. 257–318.
39. *Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. — М.: Наука, 1972. — 371 с.
40. *Исмагулов О.И.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). — Алма-Ата: Наука, 1970. — 240 с.
41. *Солодовников К.Н.* Антропологические данные о формировании населения Верхнего Приобья в эпоху ранней и развитой бронзы // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Сб. науч. тр. — Барнаул: Алтайский ун-т, 2003. — С. 172–178.
42. *Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайов Т.К.* Антропологическая характеристика населения, захороненного в некрополе Гонур-Депе // Некрополь Гонура и иранское язычество. Прил. 2. — М.: Мир-медиа, 2001. — С. 105–132.
43. *Кияткина Т.П.* Черепа эпохи бронзы с территории Юго-Западного Таджикистана // Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА, № 145. — Л.: Наука, 1968. — С. 168–182.
44. *Малютина Т.С.* Стратиграфическая позиция материалов федоровской культуры на многослойных поселениях Казахстанских степей // Древности Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. — Самара: Самарский пед. ин-т, 1991. — С. 141–162.
45. *Маргулан А.Х.* Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1978. — С. 3–37.